

Сравнительно-правовой анализ уголовно-правового регулирования ответственности за лжепредпринимательство в зарубежных странах: опыт для Казахстана

Б.О. Беремкулов

Академия финансовой полиции, Казахстан, г. Астана

Аннотация. В статье автором анализируется зарубежный законодательный и практический опыт борьбы с лжепредпринимательством.

Вопросы борьбы с экономической преступностью представляются актуальными не только для отечественных правоведов, но также для законодательства и практики зарубежных стран.

Успех в борьбе с экономической преступностью, выражающийся в минимизации негативных последствий ее деятельности, для национальной экономики доказывает необходимость комплексного подхода, который должен включать в себя экономические, социальные, организационно-управленческие, уголовно-правовые (определяемые принципами взвешенной уголовной политики и оптимальным уголовным законодательством), административно-правовые, оперативно-розыскные, идеологические и международные меры [1, с. 15].

По верному определению М. Анселя, «изучение зарубежного опыта открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права» [2, с. 38]. Поэтому представляется целесообразным при рассмотрении экономических преступлений, в том числе лжепредпринимательства, в нашей стране привлекать и зарубежный опыт.

Не секрет, что только в современный период с переходом от административно-командных методов в экономике к свободному рынку наряду с декриминализацией ряда составов преступлений (спекуляция, частнопредпринимательская деятельность) происходит и криминализация экономических отношений (появление совершенно новым для прежнего уголовного за-

конодательства советского периода Казахстана новых уголовно-правовых деликтов). И как правильно отметил Б.В. Волженкин: «Законодательство каждой страны должно учитывать конкретные особенности экономического и социального развития, характеристики преступности, исторический опыт и традиции, в том числе и правовые традиции, особенности национальной психологии и т.д.» [3, с. 537].

Зарубежный законодательный и практический опыт при регулировании экономической деятельности и непосредственно борьбе с экономической и коррупционной преступностью необходимо использовать для пристального изучения и действенного применения наряду с национальными особенностями отечественного права. Это касается не только уголовного, но и других отраслей права. И связано с тем, что борьба с экономической преступностью зависит от применения возможностей всего спектра отраслей права. По нашему мнению, обоснованным будет отметить слова Н.С. Таганцева, который говорил: «При подобной оценке на первом плане должно стоять национальное значение правовых положений: не для удивления или восхваления со стороны чужеземцев создаются законы, а для удовлетворения потребностей страны. Но и полное отчуждение от права других народов, от их исторического правового опыта, от вековой работы человечества было бы пагубно для национального развития права» [4, с. 29].

Уголовно-правовой наукой зарубежных государств само понятие экономической преступности и ее признаков трактуются по-разному. Е.Е. Дементьева отмечает: «Интерес к проблеме экономической преступности возник в западной криминологии уже в начале XX века. Однако в это

время экономическая преступность понималась как преступность бедных (кражи, нищенство, бродяжничество, а также другие преступления, связанные с посягательствами на собственность, были отнесены к данному виду преступности)» [5, с.5]. Следующий эволюционный этап в изменении понимания сущности экономической преступности произошел в середине XX века, когда под ней стали понимать преступность «белых воротничков». Появление термина «беловоротничковая преступность» связано с именем известного американского криминолога Э. Сатерленда, который в 1939 году характеризовал данный вид преступности как уголовно-правовые деяния, совершаемые respectable людьми, имеющими высокое социальное положение и в процессе исполнения своих профессиональных обязанностей.

Э. Сатерленд пришел к таким выводам после проведенных обширных исследований противозаконной деятельности корпораций (на примере США). Между тем со временем многие ученые отошли от данного подхода при определении понятия экономической преступности вследствие дальнейших разработок, приведших их к следующему выводу, что данные преступления могут совершаться и лицами, имеющими не совсем высокий уровень социального положения. Таким образом, возникло понятие «экономическая преступность», а беловоротничковая преступность стала ее частью» [5, с. 6].

По мнению известного шведского юриста Бу Свенссона: «Понятие «экономическая преступность» не имеет четких уголовно-правовых границ, и существуют разные точки зрения по поводу содержания этого понятия» [6, с. 24]. Достаточно привлекательным для определения понятия экономической преступности является высказывание Отто Харро: «Преступления, которые совершаются в рамках фактической или обманной (фиктивной, мистифицированной) экономической деятельности, причиняют ущерб экономической жизни или могут вредить обществу или требуют для разъяснений особенных коммерческих знаний» [7, с. 185]. Некоторые ученые-юристы подобные преступные деяния называли хозяйственными преступлениями. По мнению ученого японского университета Васэда Такэхико Сонэ: «Хозяйственное уголовное право в широком

смысле включает в себя общеуголовные нормы, которые применяются в случаях, когда в результате преступления причиняется ущерб хозяйственной деятельности» [8, с. 77].

Из данных высказываний мы можем сделать следующий вывод, что существующие две разные дефиниции понятия преступлений, посягающих на экономические основы государства, уживаются друг с другом. Главное то, что рассматриваемые явления, как бы не называли, их хозяйственными или экономическими преступлениями, вне зависимости от экономической структуры государств наносят своими действиями ущерб экономическим интересам общества каждого отдельного государства любой общественно-экономической формации.

Изучив разнообразные характеристики экономической преступности, представленные в трудах зарубежных ученых и специалистов (Сатерленда, Куини, Отто Харо, Шнайдера, Е.Е. Дементьевой и других) в борьбе с данным общественно опасным явлением, сделаем вывод, что экономическая преступность представляет собой противоправную деятельность юридических и физических лиц, осуществляемую с целью извлечения незаконной имущественной выгоды под прикрытием законных форм экономической деятельности, наносящую ущерб экономическим основам государства, предпринимательству и гражданам.

Зарубежные юристы «к экономическим преступлениям обычно относят налоговые и таможенные правонарушения, мошенничество, в том числе связанное с организацией фиктивных фирм и акционерных обществ, а также мошенническое банкротство, злоупотребление доверием, обман кредиторов ... и т.п.» [3, с. 539].

Из истории уголовно-правового регулирования экономической деятельности и зарубежных стран мы видим, что «государство проводило политику борьбы с теми корпорациями, которые создавались в мошеннических целях» [9, с. 42]. К примеру, государство принимает ряд законов «О мыльных пузырях» (Англия, 1720 г.), направленных на пресечение деятельности тех компаний, которые занимались обманом граждан и злоупотреблением путем создания финансовых пирамид» [10, с. 6].

Переходя к рассмотрению такого общественно опасного деяния как лжепредпринимательство, по нашему мнению, следует отметить, что в

зарубежных государствах с развитой рыночной экономикой она также имеет место, но представлена в иных формах.

Группой экспертов Совета Европы к экономическим преступлениям были отнесены следующие противоправные деяния: «монопольные преступления; мошенничество организаций; подкуп, злоупотребление доверием; обман покупателей; цифровые махинации; фиктивные организации; фальсификация бухгалтерских документов; нарушение экономических требований и стандартов; умышленную неточность в описании товаров; нечестную конкуренцию; финансовые нарушения; уклонение от уплаты налогов на социальные нужды; таможенные нарушения; валютные махинации; биржевые и банковские нарушения; нарушения, наносящие вред окружающей среде; различные способы отмывания денег» [11, с. 84].

Из данного перечня экономических преступлений «фиктивные организации» и «мошенничество организаций» по степени общественной опасности схожи с отечественным лжепредпринимательством.

Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства КНР показывает, что близкими по составу к лжепредпринимательству являются преступления, находящиеся в главе 3 параграф 3 ст.ст. 158-162 УК КНР (Преступления против порядка управления компаниями и предприятиями) и параграф 5 ст.ст. 192-200 УК КНР (Финансовое мошенничество). Так, ст. 158 гласит: «С использованием при регистрации компании фиктивных документов или с помощью иных мошеннических способов декларирование ложных сведений об уставном капитале и регистрация компании с введением в заблуждение органов, ответственных за регистрацию компании, при крупном размере суммы ложно декларированного уставного капитала, тяжких последствиях и других отягчающих обстоятельствах наказывается лишением свободы на срок до трех лет либо арестом, в качестве дополнительного или самостоятельного наказания применяется штраф в размере от одного до пяти процентов от ложно декларированной суммы уставного капитала» [12, с. 300].

Сравнительный анализ уголовного законодательства США, Англии, Франции, Германии, Швеции, Японии показал, что в указанных странах отсутствует специальная норма, предусма-

тривающая ответственность за лжепредпринимательство. Уголовная ответственность за данного рода преступления предусмотрена в ряде норм, регламентирующих ответственность за мошенничество и злоупотребление доверием. Как нам известно, уголовное законодательство некоторых зарубежных стран не кодифицировано, соответствующие уголовно-правовые нормы можно найти в других законодательных актах, например в экономическом законодательстве [3, с. 80].

Зарубежное законодательство, регулирующее экономическую деятельность, достаточно обширно указывает на наличие корпоративного права в США; хозяйственного, хозяйственно-уголовного права в Японии, экономического права во Франции, акционерного права в Великобритании и Германии. В соответствии с указанным законодательством осуществляется регистрация и последующее лицензирование деятельности лиц и организаций, занимающихся предпринимательской деятельностью, а также устанавливается ответственность за нарушение регулируемых им норм. В зарубежном законодательстве регулирующих сферу экономической деятельности «тесно переплелись между собой нормы гражданского, торгового, уголовного, административного права, предусмотренные различными видами нормативных актов, принимаемых различными органами и предоставляющих широкий спектр мер юридической ответственности» [9, с. 48].

Лжепредпринимательство может совершаться лишь там, где разрешена и легитимно существует и развивается предпринимательская деятельность. В этой связи развитие подобной деятельности в СССР по сравнению со странами Западной Европы, как и развитие капитализма, который предполагает обязательное ее наличие, пришлось на более поздний период. Поэтому долгое время советское уголовное законодательство не знало норм не только о лжепредпринимательстве, но и норм о преступлениях, похожих на те, которые сегодня принято называть в сфере экономической деятельности. После октябрьской революции происходит «отказ от методов «военного коммунизма», в экономической сфере воссоздавались многие структуры и механизмы дореволюционной экономики: рынок, частное предпринимательство, хозяйственные договоры, налоговая система, независимая кооперация и т.п.» [13, с. 454]. Посредством НЭПа советская

власть стремилась осуществить политику построения социализма в условиях многоукладной экономики, когда временно для обеспечения вывода экономики из глубочайшего кризиса, допускались капиталистические элементы при сокращении командных высот в экономике со стороны государства.

«Сущность НЭПа состояла в том, что это была особая политика пролетарского государства, цель которой была ликвидация капиталистических элементов и построения социализма, используя разные формы собственности, рынок и торговлю как основное звено» [14, с. 356]. Такая политика разрешала ограниченную деятельность в некоторых сферах экономики: торговле, сфере услуг, мелком производстве и т.д., однако под строгим контролем государства. Открываются частные предприятия, организуются различные кооперативы – кредитные, потребительские, сельскохозяйственные и др.

Государство всячески начало поддерживать кооперативы, устанавливало им различные экономические льготы. 7 декабря 1923 года был издан Закон о налоговых льготах кооперации. Основная доля налогов стала падать на частных предпринимателей или на «частников», как их в это время называли [15, с. 146]. В конце 20-х годов в результате проводимой коммунистами политики было наступление на НЭП и частный капитал. В уголовном законодательстве это отразилось в принятом 28 декабря 1928 года СНК СССР постановлении «О мерах борьбы с лжекооперативами». В нем указывалось, что «вытесняемые вследствие успехов государственной и кооперативной промышленности и торговли важнейших отраслей народного хозяйства капиталистические (кулацкие) элементы в ряде случаев проникают в кооперативные организации и превращают их в лжекооперативы, являющиеся орудием и прикрытием их эксплуататорской деятельности». В связи с этим союзным республикам предлагалось принять меры по усилению уголовной ответственности организаторов и фактических руководителей лжекооперативов, а также должностных лиц, оказывающих содействие лжекооперативам [16, с. 2]. Принимая меры по усилению уголовной ответственности лиц, обозначенных во всесоюзных нормативных актах, СНК РСФСР в постановлении от 27 марта 1929 г., ВЦИК и СНК РСФСР в совместном постановлении от 9 сентября 1929 г. определили отнести к

числу лжекооперативов кооперативы: а) если в числе их учредителей или членов выборных органов участвуют лица, которым это воспрещено законом; б) если в них преобладающее влияние имеют капиталистические (кулацкие) элементы, использующие кооперативную форму в своих классовых целях; в) если деятельность их уклоняется в сторону, противную интересам социалистического строительства» [17, с. 241].

Также постановлением от 9 сентября 1929 г. в УК РСФСР 1926 года была введена специальная статья 129-а, предусматривающая учреждение и руководство деятельностью лжекооперативов, одновременно предусматривая ответственность должностных лиц за содействие лжекооперативам (ст. 111-а). Из содержания ст. 129-а под лжекооперативами признаются организации, которые прикрываются кооперативными формами в целях использования льгот и преимуществ, предоставленных кооперации, в действительности же являются предприятиями частнопредпринимательскими и преследуют интересы капиталистических элементов, имеющие преобладающее влияние в их составе. В Циркуляре ИКЮ № 77 1928 года «О мерах борьбы с лжекооперативами» отмечалась важность быстрой и решительной борьбы с лжекооперативами и лжетовариществами, «обычно служащими прикрытием для кулацких и частнопредпринимательских элементов в деле получения незаконным путем всякого рода льгот, принять меры к скорейшему обследованию соответствующими органами всех тех низовых кооперативных организаций, работа которых по тем или иным данным имеет нездоровые уклоны в сторону связи с кулацкими и частнопредпринимательскими элементами» [18, с. 21]. На основании изложенного, считаем, что введение уголовной ответственности за лжепредпринимательство в качестве преступного общественного опасного противоправного деяния в законодательствах бывших республик Советского Союза является своевременным и оправданным. Это обусловлено тем, что ранее существовала единая правовая система. Итогом совместной деятельности в едином законодательном обеспечении в области уголовного права бывших республик СССР стало принятие 17 февраля 1996 года на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств модельного кодекса – рекомендательного

акта для Содружества Независимых Государств [19, с. 92]. Рассматриваемый состав изложен в ст. 257 в главе 29 Модельного УК «Преступления против порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности». Лжепредпринимательство представляется как «создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую или банковскую деятельность, имеющее целью получение кредитов, освобождение от налогов, извлечение иной имущественной выгоды или прикрытие запрещенной деятельности, причинившее крупный ущерб гражданам, другим коммерческим организациям либо государству, – преступление средней тяжести» [3, с. 632].

Республикой Узбекистан 1 апреля 1995 года первым был принят Уголовный кодекс нового времени. Статья 179 УК РУ, предусматривающая ответственность за лжепредпринимательство законодателем, помещена в главу XII «Преступления против основ экономики». Под лжепредпринимательством понимается «создание предприятий и других предпринимательских организаций без намерения осуществлять уставную деятельность в целях получения ссуд, кредитов, освобождения (снижения) прибыли (дохода) от налогов или извлечения иной имущественной выгоды» [20, с. 285]. Следующим был принят Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года. Б.В. Волженкин справедливо отмечает: «Наконец, в Уголовном кодексе 1996 года с учетом требований борьбы с новыми видами общественно опасного экономического поведения сформировано около двух десятков новых составов преступлений (воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, лжепредпринимательство... и другие ...)» [3, с. 78].

Принятый 24 мая 1996 года Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривал ответственность за лжепредпринимательство в ст. 173 в главе «Преступления в сфере экономической деятельности» раздела VIII «Преступления в сфере экономики». Российский уголовный закон определил лжепредпринимательство как «создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую или банковскую деятельность, имеющее целью получение кредитов, освобождение от налогов, извлечение иной имущественной выгоды или прикрытие запрещенной деятельности, причинившее крупный ущерб гражданам, органи-

зациям или государству» [21, с. 390]. Как показал анализ правоприменительной практики, статья 173 «Лжепредпринимательство» УК РФ практически не применяется. Н.А. Деуленко полагает, что нецелесообразно иметь в структуре Особенной части УК РФ самостоятельную уголовно-правовую норму, предусматривающую ответственность за лжепредпринимательство, следует в ст.ст. 159, 176, 199 УК РФ предусмотреть его как квалифицирующий признак «с использованием официально зарегистрированного юридического лица» [22, с. 95]. Связано это с неопределенностью ее формулировки, а также с тем, что предусмотренные в ней деяния охватываются другими составами преступлений, в связи с чем данная статья Федеральным законом Российской Федерации от 13 июля 2010 года № 15-П из Уголовного кодекса РФ была исключена, уголовная ответственность за аналогичные преступления наступает по иным статьям УК РФ – мошенничество, уклонение от уплаты налогов, легализация преступных доходов и т.д.

В 1997 году был принят Уголовный кодекс Кыргызской Республики, в котором лжепредпринимательство определено как «создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность, имеющее целью получение кредитов, освобождение от налогов, извлечение иной имущественной выгоды или для прикрытия запрещенной деятельности, причинившее крупный ущерб гражданам, другим коммерческим организациям либо государству» [23, с. 81]. Республикой Таджикистан новый уголовный кодекс был принят в 1998 году. Б.В. Волженкин обоснованно отмечает: «В целом же система экономических преступлений по УК Республики Таджикистан во многом идентична той, которая содержится в УК РФ» [3, с. 528]. Уголовная ответственность за лжепредпринимательство предусмотрена ст. 260 УК РТ, а именно «создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую или банковскую деятельность, имеющее целью получение кредитов, освобождение от налогов, извлечение иной имущественной выгоды или прикрытие запрещенной деятельности, причинившее крупный ущерб гражданам, другим коммерческим или некоммерческим организациям либо государству» [24, с. 316]. В примечании к данной статье дается количественная характеристика понятия крупного ущерба и дохода.

«Примечание 1) в статьях 258, 259 и 260 настоящего Кодекса доход в крупном размере либо крупный ущерб признается в тех случаях, когда их сумма превышает сто минимальных размеров заработной платы, доходом в особо крупном размере – доход, сумма которого превышает одну тысячу минимальных размеров заработной платы; 2) под доходом, предусмотренным настоящей главой, понимается прибыль, полученная в виде разницы между израсходованными и полученными средствами ...» [24, с. 316].

В Особенной части Уголовного кодекса Республики Болгария имеется преступление, схожее с лжепредпринимательством. Так, в статье 259 УК РБ указывается: «Кто создает юридическое лицо с вымышленной целью или учредит денежный фонд, который не осуществляет или фиктивно осуществляет объявленную при его регистрации деятельность с целью получения под его прикрытием кредитов, освобождения от уплаты налогов, получения налоговых льгот или иных имущественных благ, а также осуществления запрещенной деятельности...» [25, с. 124].

На основе изложенного мы можем сделать вывод, что лжепредпринимательство присуще и зарубежным законодательствам и даже иным правовым системам. В уголовном законодательстве зарубежных стран и некоторых стран СНГ данное преступное деяние существует в различных модификациях. В подтверждение сказанного Б.М. Нургалиев утверждает, что «есть основания полагать, что и наши преступные структуры уже начали осваивать указанные виды мошенничества» [26, с. 140]. В связи с тем, что отечественная преступность не стоит на месте, а изучает и успешно использует опыт зарубежных мошенников, то и нам необходимо перенимать передовой опыт зарубежных стран в целях борьбы с преступностью, в том числе с лжепредпринимательством.

Литература

1. Городецкий А.Е. О новых теоретических подходах и практике противодействия организованной экономической преступности // Актуальные проблемы борьбы с организованной преступностью в сфере экономики: материалы Международной научно-практической конференции. – г. Москва. – 17 декабря 2009 года / под ред. А.Г. Хабибулина. – М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2010. – 524 с.
2. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права II Очерки сравнительного права. – М. 1991. – 38 с.
3. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – 641с.
4. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. – Тула: Автограф, 2001. – 800 с.: ил.- (Юридическое наследство).
5. Дементьева Е.Е. Экономическая преступность и борьба с ней в странах с развитой рыночной экономикой (на материалах США и Германии). – М., 1992, – 51 с.
6. Свенссон Б. Экономическая преступность: пер. со шведск. / вступ. ст. М.А. Могуновой и Ю.А. Решетова; под ред. М.А. Могуновой. – М.: Прогресс, 1987. – 160 с.
7. Harro Otto. Strafrechtsdogmatische Aspekte der Wirtschaftskriminalität Max – PLANCK – INSTITUT – Buchenbach in Freiburg Br. Von 1-5 oktober 1990.
8. Такэхико Сонэ. Теория и практика хозяйственного уголовного права в условиях рыночной экономики Японии // Вестник МГУ. Серия 11 «Право». 1998. – №4. – С. 77.
9. Аистова Л.С. Незаконное предпринимательство. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 283с.
10. Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: законодательство о компаниях, монополиях и конкуренции / под ред. В.К. Пугинского, М.И. Кулагина. – М., 1992. – 485с.
11. Проблемы борьбы с экономической преступностью в Казахстане. – Алматы: Жеті-Жарғы, 1996. – 187 с.
12. Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. М.: ИД «Муравей». 2003. – 432 с.
13. Исаев. И.А. История государства и права России: учебник. – М.: Юрист, 1999. – 673 с.
14. История государства и права России: учебник / под ред. Ю.П. Титова. – М.: Былина, 1996. – 569 с.
15. Каржаубаев Е.К., Дуйсенов М.К. Реформирование лжепредпринимательства после

- октябрьской революции // Наука и жизнь Казахстана. – 2011. – № 2. – С. 145-149.
16. Кондрушкии И.С. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и реизионным делам 1918-1926 гг. (с предисловием Д.И. Курского). – М. – Л.: Госиздат, 1927. – 215 с.
17. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952 гг.) / под ред. И.Л. Гитова. – М., 1953. – 617 с.
18. Еженедельник Советской юстиции. – 1928. – № 16. – 188 с.
19. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ // Правоведение. – 1996. – №1. – С. 92-105.
20. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (с изменениями и дополнениями на 18 октября 2001 года). Расмийнашр-Т.: Узбекистон Республикасы Адлиявазирлиги, 2001 й. – 384 с.
21. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., изм. и доп. / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. – 832 с.
22. Деуленко Н.А. Лжепредпринимательство: понятие, формы и уголовно-правовое значение: дис...к.ю.н. / Академия управления МВД РФ. – М., 2002. – 197 с.
23. Уголовный кодекс Кыргызской Республики, «Раритет Инфо», Администрация президента КР. – 2003. – 280 с.
24. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Официальный текст / Душанбе: Издательство «Қонуният», 2003. – 230 с.
25. Уголовный кодекс Республики Болгария / ред.кол.: А.И. Лукашев (науч.ред.) и др.; пер. с болг. Д.В. Милушев, А.И. Лукашев; вступит. ст. И.И. Айдаров (Уголовные кодексы стран Восточной Европы). – М.: Тесей, 2000. – 192с.
26. Нургалиев Б.М. Организованная преступная деятельность (уголовно-правовые, процессуальные и криминалистические аспекты) – Караганда: КВШ ГСК РК, 1997. – 197 с.

Б.О. Беремқұлов

Мақалада автор жалған кәсіпкерлік пен күрестің шетелдік заңнамалық және іс жүзіндегі тәжірибеге талдау жасайды.

В. О. Beremkulov

Foreign legislative and practical experience of struggle against the false enterprise is analyzed by the author.